

АЛЕКСА
ГРАНД

Дочь для магната
**ПОДАРИ МНЕ
НОВУЮ ЖИЗНЬ**

Алекса Гранд

**Дочь для магната.
Подари мне новую жизнь**

«Автор»

2026

Гранд А.

Дочь для магната. Подари мне новую жизнь / А. Гранд —
«Автор», 2026

«Скажи своей, что тебя срочно вызвали на задержание и приезжай». «Я так по тебе соскучилась». «Приготовила твою любимую лазанью». «Взяла бутылку Пино Нуар». «Надела самое развратное белье». «Жду». В день моего тридцатилетия рушится все. Мужу на телефон приходят компрометирующие сообщения. И теперь наша жизнь кажется дешевым фарсом. Но это только начало. В город возвращается мужчина, с которым меня связывает прошлое. И дочь. О которой он ничего не знает...

Алекса Гранд

Дочь для магната.

Подари мне новую жизнь

Глава 1

Дина

– А сейчас я хочу поднять бокал и выпить за мою красавицу-жену...

Стоящий на небольшом возвышении в паре метрах от меня муж широко улыбается и салютует собравшимся хрустальным фужером.

В стекле плещется золотистый напиток с игристыми пузырьками. За соседним столиком о чем-то перешептываются наши с Димой родители. Друзья оживленно галдят и спорят о том, кто следующий будет поздравлять меня с тридцатилетием.

Вышколенные официанты в белых рубашках с черными галстуками-бабочками скользят в проходах и пристально следят за тем, чтобы тарелки гостей не пустели.

Каре ягненка в гранатовом соусе одуряюще пахнет. Салат с грушей и сыром дор блю представляет самое настоящее произведение искусства. Золотые и черные шары, украшающие зал, гармонируют с моим маленьким черным платьем.

В общем, в этом вечере идеально все, кроме одной маленькой детали.

Едва различимый во всеобщем гвалте сигнал входящего сообщения пробивается ко мне, как сквозь вату, и привлекает внимание.

По ошибке я хватаю телефон супруга и прочитываю безликие строчки, пришедшие с неизвестного номера.

«Скажи своей, что тебя срочно вызвали на задержание и приезжай!».

Я не имею привычки копаться в переписках мужа, доверяю ему целиком и полностью и уже хочу отложить гаджет в сторону, но шестое чувство меня тормозит.

Мобильник снова вибрирует в моих пальцах, и вот я уже не могу оторвать взгляда от плоского экрана.

«Я так по тебе соскучилась».

«Приготовила твою любимую лазанью».

«Взяла бутылку Пино Нуар».

«Надела самое развратное белье».

«Жду».

Жуткие фразы вонзаются в мозг отравленными стрелами и дезориентируют.

Сердце едва не останавливается. Пульс превращается в тонкую ниточку. Все жизненно важные системы замедляют ход. А потом разгоняются, норвя за пару секунд достигнуть критической отметки.

По вискам кто-то невидимый беспощадно долбит кувалдой. Уши закладывает, словно я нахожусь на предельной высоте. Кровь приливает к щекам и бурлит, образуя неровные багровые пятна.

– Дина, родная! Я хочу сказать, что восхищаюсь тобой. Твоим трудолюбием, упорством, целеустремленностью. Я преклоняюсь перед тобой, как перед богиней. Персефой. Нет! Афродитой.

Ничего не подозревающий муж продолжает купать меня в похвале, но я практически ничего не слышу. Плескаю в пустой стакан холодной воды, проливаю ее на подол и резко вскакиваю из-за стола.

Бам!

Это Димин телефон выскальзывает из моих подрагивающих рук и грохается на пол со страшным скрежетом. Экран идет паутиной маленьких трещин, а вместе с ним лопается и мое самообладание.

– Дина!

Встревоженный возглас врзается между моих лопаток, но я лишь ускоряю шаг и вылетаю из зала пробкой из-под шампанского. Бегу к туалету, словно за мной гонится стая рассви-репевших волков, и не могу принять, что в эту секунду рушится мой мир.

– Это не по-настоящему! Какая-то ошибка... Нелепая случайность...

Бормочу я растерянному отражению, пытаюсь убедить себя в нереальности происходящего, и сую кисти под ледяную воду. Крупные мурашки тут же расплзаются по коже. Слезы повисают на кончиках ресниц.

Позади щелкает замок. Хлопает дверь.

Я дергаюсь, как от удара плетью. И круто поворачиваюсь на каблуках, чтобы столкнуться испытующим взглядом с собственным мужем.

– Детка, с тобой все в порядке? Бледная. Странный румянец.

Застыв на полпути ко мне, Дима пристально изучает мой далекий от совершенства внешний вид. Я же пытаюсь обнаружить на дне его карамельно-ореховых глаз доказательства измены, но не нахожу там ничего, кроме неподдельной тревоги и искреннего беспокойства.

– Да. Все нормально.

Я шепчу осипшим, как у курильщика со стажем, голосом и не могу пошевелиться, пока муж преодолевает разделяющие нас метры и заграбастывает меня в заботливые объятия.

Целует в макушку. Гладит бережно по голым лопаткам. И ничем не напоминает коварного предателя.

– Ну чего ты, малышка?

– Твой телефон... там... сообщения...

Бессвязные слова булыжниками срываются с моего языка и падают между нами, заставляя меня снова дрожать.

Дима же аккуратно подцепляет пальцами мой подбородок и проникновенно смотрит мне в глаза.

– Спам какой-то. Ссылка на сайт знакомств была. Мошенники. Новый развод. Я все удалил. Неужели ты подумала, что я тебе изменяю? Разве я дал тебе повод?

Супруг неверующе качает головой, словно я оскорбила его в лучших чувствах и обвинила, по меньшей мере, в убийстве Кеннеди. Я же утопаю в удушливом стыде и виновато закашливаюсь.

Дима служит в полиции. Ловит грабителей. Восстанавливает справедливость. Охраняет правопорядок. И никогда мне не врет.

Он патологически не приемлет любую, даже самую невинную ложь.

– Димочка, прости меня, пожалуйста. Просто я очень сильно тебя люблю!

Извиняюсь, мысленно отругав себя излишнюю мнительность, ведь на самом деле все оказалось банально. Привстаю на цыпочки и прижимаюсь губами к Диминым губам. Он в ответ целует меня жадно и требовательно, выбивая почву из-под ног.

Ласкает шею. Спускается ладонями вниз по предплечьям. Перемещает горячие руки на талию. А после с силой сжимает бедра.

И от этих его умелых прикосновений я забываю обо всем на свете. О своих глупых подозрениях, развеянных супругом в пыль. О гостях, наверняка успевших нас потерять. И о том, что официанты с минуту на минуту должны вынести праздничный торт.

С азартом я поддаюсь охватившей нас страсти. Плыву по волнам искрящейся эйфории. Пропускаю момент, когда оказываюсь сидящей на столешнице рядом с раковиной. И не думаю

о том, что в туалет может войти кто-то посторонний и стать свидетелем весьма пикантной сцены.

– Я тоже люблю тебя, родная.

Стаскивая бретельку с моего плеча, гортанно произносит Дима и демонстрирует глубину своих чувств размашистыми движениями.

В зал мы возвращаемся минут через пятнадцать. Раскрасневшиеся, запыхавшиеся и абсолютно счастливые. Держимся за руки, как втрескавшиеся друг в друга по уши школьники, планируем, куда бы нам хотелось поехать в отпуск, и занимаем пустующие места за столом.

Я принимаю еще одну порцию поздравлений, задуваю свечи на именинном наполеоне и предвкушаю продолжение вечера. Свекры обещали забрать нашу дочку Марусю к себе с ночевкой, чтобы мы с Димой могли насладиться уединением.

Отсчитываю секунды до того момента, когда гости постепенно начинают расходиться. Нырять в прогретый мужем салон автомобиля и поджимаю пальцы ног.

Я тороплю светофоры, горящие красным. Никуда не спешащих водителей в правом ряду. Нетерпеливо сдергиваю с себя пальто, когда мы, наконец, добираемся до дома. Забегаю в ванную комнату, чтобы немного освежиться.

Стираю помаду с губ. Растрепываю рассыпающиеся по плечам волосы. Наношу капельку духов на запястье и за ушко. Соблазнительно улыбаюсь, переступая через порог спальни, и получаю сокрушительный удар под дых.

– Дин, прости, мне надо уехать. На работу вызывают.

Глава 2

Дина

Романтический настрой улетучивается по щелчку.

Я кутаюсь в руки вместо пледа. На коже проступают крупные мурашки. Подозрения снова возрождаются, как феникс из пепла.

– Динусь, извини. Мне, правда, очень жаль, что так получается.

Дима встает с кровати, прочесывая светлую шевелюру пятерней, и впихивает телефон мне в ладонь.

– Поговори. Это Геннадич. Тебя.

– Диночка, привет, моя золотая!

На том конце провода раздается звучный баритон Семина Степана Геннадьевича. Когда-то они с отцом учились в одном вузе, только папа ушел в бизнес и запустил стартап. А Семин решил продвигаться по карьерной лестнице в органах.

– Здравствуйте, Степан Геннадьевич, – я отвечаю с показным энтузиазмом и прислоняюсь к дверному косяку, наблюдая за тем, как муж торопливо натягивает на себя штаны и выуживает из шкафа чистую рубашку.

– С днем рождения, моя хорошая. Счастья. Достатка. Семейного благополучия. Здоровья. Ты прости старика, что кайф вам обламываю. Но без Димки никак.

– Все нормально, Степан Геннадьевич. Спасибо за поздравления.

– Ты не грусти там. Ложись отдыхай. Завтра верну тебе твоего рыцаря.

– Спокойной ночи.

Вытаскиваю из себя со скрипом и отбиваю вызов.

Хочется реветь от того, что все планы превращаются в белесый пепел. Но я держусь. Впиваюсь ногтями в предплечья. Полосую губы зубами. И дышу часто-часто, чтобы не позволить слезам пролиться.

– Родная, ты не обижайся, пожалуйста. Мы эту цепочку полгода распутывали. Вышли на след главаря группировки. Если все пройдет по плану, может, и премию выпишут, и звездочку на погоны повесят.

– Я все понимаю. Езжай.

– Правда?

– Конечно. Все в порядке.

Наступив себе на горло, я собираю волю в кулак и с фальшивой улыбкой вру мужу. Хоть в эту секунду отчаянно мечтаю вцепиться в полы его рубашки, повиснуть у него на шее и никуда не отпускать.

– Спасибо. Ты у меня лучшая, Динусь!

Дима звонко целует меня в висок и скрывается в коридоре. Обувается, хватая ключи и с размаха хлопает дверью, поддаваясь бурлящему в крови азарту и превращаясь в хищника.

Я же бесхребетной массой стекаю вниз по стене и прижимаю к груди колени. Сижусь так долго, уставившись в пустоту, до тех пор, пока не начинают неметь конечности.

Поднимаюсь медленно, ведь мне некуда торопиться. Я не хирург, спасающий жизни, останавливающий кровотечения и проводящий сложные операции. Не фельдшер скорой помощи, спешащий на вызов к сложному пациенту. Не спасатель, мчащийся, чтобы достать людей из-под завалов. И не пожарный, каждую смену сражающийся со смертоносным огнем.

Я обычный преподаватель в языковом центре. Пусть этот центр и был открыт на деньги родителей и теперь принадлежит мне.

Остро ощущая собственную никчемность, я стаскиваю с дрожащего тела платье. Нырряю под одеяло. И принимаюсь считать воображаемых баранов, прыгающих через невысокий забор на лужайке, потому что сна ни в одном глазу.

Отправляюсь в объятья Морфея глубоко за полночь и ближе к рассвету сквозь дрему слышу родные шаги. Матрас прогибается под Диминым весом, горячие ладони ложатся на талию, острый нос утыкается в чувствительное местечко за ушком.

От мужа пахнет табаком, как будто все это время он находился в прокуренной маленькой комнатке. И чем-то пряным. То ли корицей, то ли перцем, то ли кардамоном.

Улавливаю эти детали краем сознания и удобнее устраиваюсь в уютных объятьях. Истома расплзается по телу. Тепло окутывает ступни, внутреннюю поверхность бедра и даже ключицы.

Как же хорошо!

– Доброе утро, соня!

Дима будит меня в районе десяти. Гладко выбритый, с переброшенным через плечо полотенцем, в домашних серых штанах, он протягивает мне поднос с завтраком и широко, довольно улыбается.

Насыщенный аромат только что сваренного кофе щекочет ноздри. Омлет с беконом дымит на фарфоровой тарелке. Круассан с карамелью заставляет желудок громко урчать.

– Еще раз с днем рождения, родная!

Муж осторожно опускается на край постели рядом со мной и томительно-нежно ведет кончиками пальцев по моему запястью. А на тумбочке у кровати красуется шикарный букет из двадцати пяти чайных роз.

От восторга у меня перехватывает дыхание.

Какой у меня все-таки замечательный супруг! Предупредительный, заботливый, внимательный.

Качаясь на волнах блаженства, я с аппетитом уминаю все, что он для меня приготовил. Только не успеваю насладиться этой идиллией сполна.

Дима стирает с уголков моих губ капельки карамели, мимолетно меня целует и поднимается на ноги, чтобы начать одеваться.

Я же пребываю в полнейшем ступоре.

Радость от практически идеального утра стремительно истаивает. На смену ей приходит глухая досада и мрачная апатия.

Как я ни стараюсь себя убедить, что работа важнее, обида упрямо пробирается в сердце и поселяется там притаившейся змеей.

– Дим, ты куда опять?

– На допрос надо. Часа на два-три, не дольше. Не скучай без меня. Скоро вернусь, и поедем с тобой в самый лучший ресторан. Идет?

– Идет.

Проследив за тем, как супруг в очередной раз исчезает из нашей квартиры, как какой-то мираж, я откидываюсь на подушки, подцепляю телефон и открываю вкладку браузера, читая название первой попавшейся статьи.

– Как понять, что муж вам изменяет?

27 явных признаков...

218 ответов...

100% признаки того, что супруг вам не верен...

От обилия материалов на эту тему рябит в глазах, и колючий ком разбухает в горле. Дерет шипами гортань и заставляет часто и глубоко дышать. И я принимаюсь читать расплывающиеся строки.

– У него увеличился рабочий день. Появились сверхурочные.

Мимо. Дима всегда пропадал на службе. Это его призвание. А ненормированный график – обратная сторона медали.

– Он стал милее к тебе. С одной стороны, у него бурлят гормоны и он чувствует себя мужественнее. С другой стороны, он ощущает вину и хочет загладить свою измену.

Тоже мимо. День рождения – все-таки весомый повод, чтобы сделать подарок, приготовить завтрак в постель и купить цветы.

– Он постоянно отслеживает, где ты находишься. Представь себя на месте мужчины, который завел интрижку. Наверняка ты не захочешь столкнуться с женой во время ужина с другой женщиной.

Чушь. Дима всегда заботился обо мне. И переживал, чтобы я не возвращалась одна домой поздно.

– Он стал пахнуть иначе, приятнее.

И снова бред. Я сама подарила мужу одеколон на прошлой неделе.

От банальной информации, не принесшей мне ничего нового, начинает раскалываться голова, и я злюсь на себя. Закрываю все вкладки, чищу историю браузера и выбираюсь из постели.

В конце концов, отсутствие супруга не та причина, по которой стоит целый день валяться в кровати, смотреть в потолок и жалеть о том, что выходной проходит впустую.

С этими мыслями я договариваюсь о встрече с подружками, умываюсь и наношу легкий макияж. Выбираю свой самый нарядный сарафан – светло-голубой, летящий. Прихватываю пиджак на случай, если похолодает. И вызываю такси.

Еду в облюбованный нами с девчонками ресторан паназиятской кухни. Подмигиваю своему отражению в панорамном окне. И спешу к уединенному столику на втором этаже, где меня уже ждут Таня, Лиза и Вера.

Все они трудятся в языковом центре вместе со мной.

– Привет, красотки!

– Привет, Арская!

– Выглядишь потрясно!

– Цветешь и пахнешь.

– Спасибо.

Подружки наперебой засыпают меня комплиментами и по очереди расцеловывают в обе щеки, а Лизка косится на мое запястье и восхищенно присвистывает.

– Браслет классный! Новый?

– Ага. Дима подарил.

Протягиваю Свободиной руку, чтобы она могла лучше рассмотреть изящное плетение, и млею от зарождающегося в груди тепла.

Все у нас с мужем хорошо. Как прежде. Просто я зачем-то себя накрутила.

Опускаюсь в свободное кресло и листаю меню, замечая, как по хорошенькому Лизкиному личику пробегает тень. Спросить ничего не успеваю, приятельница сетует на проблемы сама

– А от моего не дождешься. Весь в кредитах. Никак за машину не выплатит, а мы ее еще и ударили. Ремонт надо делать косарей на тридцать, а у нас нет.

– Возьми допы. Там у нас группа новая как раз набирается. Отдадим ее тебе.

В знак поддержки я мягко сжимаю тоненькие Лизины пальчики и отвлекаюсь на подошедшую официантку. Заказываю чашку орехового капучино и медовик и откидываюсь в кресле.

Беседа течет непринужденно. Мы обсуждаем современные тренды в преподавании и курсы повышения квалификации, которые планируем посетить через пару месяцев, болтаем о бывших одноклассниках, повысившемся проценте по ипотеке, лифчиках и прочей ерунде.

И, когда ненадолго между нами повисает небольшая комфортная пауза, Вера нас ошарашивает.

– А мы со своим разводимся.

– Как?

– Почему?

– У вас ведь все хорошо было. Замечательные близнецы. Дом свой огромный. Пес.

– Он мне изменил.

Тихо-тихо произносит Соболева и беспощадно комкает салфетку. Ее пухлые губы сжаты в тонкую линию. Ноздри трепещут. Жилка на шее бьется нервно и лихорадочно.

А мы лишь изумленно открываем и закрываем рты. Не знаем, что сказать.

– И как ты это обнаружила?

Первой из нас отмирает Танька. Подвигается ближе к Вере и осторожно обнимает ее за плечи. Я же невольно подаюсь вперед и упираюсь локтями в столешницу – так сильно меня волнует затронутая тема.

– Переписку его прочла. Никогда раньше так не делала. Уважала его личные границы. А тут что-то торкнуло. Он пароли начал менять вдруг. Стал выходить из комнаты во время телефонных звонков. И даже ванную начал принимать с телефоном.

Соболева транслирует слово в слово то, что я совсем недавно читала в глупых статьях, и от этого внутренности покрываются изморозью. Я примеряю чужую ситуацию на себя и бессознательно вспоминаю те моменты, когда Дима выскальзывал из спальни, чтобы ответить на звонок.

Я просто спала, и он не хотел меня тревожить.

Повторяю мысленно, как мантру, и снова корю себя за беспочвенные подозрения. Если я перестану доверять мужу и буду во всем искать подвох, сколько протянет наш брак?

Долго? Вряд ли.

– Ей всего двадцать, представляете? Молоденькая совсем. Студенточка. Познакомился с ней на вечеринке у друга и все. Появились командировки какие-то. Совещания внеплановые. Он даже на курорты ее возил. А самое паршивое знаете что?

– Что?

– Она не в курсе, что он женат. Повелась на его. Ухаживания. Влюбилась.

– А ты-то откуда знаешь?

– А я с ней виделась. Сохранила номер телефона. Встретилась. За чашечкой чая. В глаза ей хотела посмотреть.

– Посмотрела? А дальше что? – сочувственно шепчет Таня и крепче обнимает окаменевшую Веру.

– Держать не буду. Пусть валит на все четыре стороны.

– А как же семья? Дети?

– Нет никакой семьи. Сплошное вранье.

Твердо высекает Соболева, встряхивая головой, а я ощущаю горечь, оседающую на языке. Смогла бы я так же решительно сжечь мосты?

Глава 3

Дина

Думаю об этом, когда захожу в ювелирку и отрешенно изучаю витрины, где выставлены драгоценности. Массивные кольца. Изящные цепочки. Стильные браслеты из белого золота. И кольца – скромные тонкие полоски и вычурные перстни с крупными камнями.

Продавец-консультант делает в мою сторону шаг, но моментально меняет направление, стоит в магазин зайти вальяжному толстосуму и его молоденькой спутнице.

На вид мужчине около сорока. У него с десятков лишних килограмм. Второй подбородок. И телефон последней модели, который стоит примерно как поддержанный автомобиль.

Девчонке же на вид едва больше двадцати. Она пышет красотой и молодостью. Демонстрирует идеальные длинные ноги и белозубую улыбку. И заглядывает своему папику в рот, чем вызывает у меня приступ отвращения.

– Котик, а когда мы полетим на Мальдивы?

– Не знаю, пупсик. Моя забеременела. Анализы там всякие, обследования, клиники. Как я сейчас уеду?

– Ты же сказал, что вы разводитесь.

– Потерпи немного, малыш. Заберу ребенка и женюсь на тебе. Верь мне, хорошо?

Начинающий лысеть обрюзгший мерзавец явно вешает любовнице лапшу на уши, и она восторженно его слушает. Радостно обманывается, глупо хихикает и принимает в подарок набор – дорогущее кольцо и сережки с бриллиантами.

Мне же настолько тошно от этого лицемерия, что я стремительно выскакиваю из этого бутика и пытаюсь протиснуться сквозь толпу, сгрудившуюся в очереди за кофе.

Но люди стоят настолько плотно, что я спотыкаюсь, роняю сумочку и врезаюсь в чью-то каменную грудь. Сталкиваюсь взглядом с обладателем ярко-синих глаз и непозволительно пухлых губ и отчего-то прирастаю к полу.

Похожий на греческого бога мужчина улыбается краешком губ и присаживается на корточки, принимаясь собирать мои рассыпавшиеся вещи. Возвращает мне все в целостности и сохраняет и протягивает мощную ладонь.

– Андрей.

– Спасибо, что помогли, Андрей.

– А вас как зовут?

– Дина.

– Приятно познакомиться, Дина. Не хотите составить мне компанию и выпить чашечку ароматного капучино?

Мой новый знакомый подается немного вперед, вторгаясь в личное пространство, а я невольно кошусь на его безымянный палец и замечаю полоску незагорелой кожи.

Киваю выразительно на неоспоримое доказательство и вопросительно выгибаю бровь.

– А вы...?

– Формально женат. Но у нас уже давно нет секса с супругой. Мы даже спим в разных кроватях. Просто сынишка только в школу пошел, у него и так стресс. Как мы ему скажем, что мама и папа разводятся?

Андрей заливается соловьем и пытается поймать меня за запястье. Я же ловко уклоняюсь, качаю головой и саркастично интересуюсь.

– И со многими это срабатывало?

– Со всеми.

Поняв, что со мной этот номер не прокатит, признается мужчина и небрежно ведет плечом. Я же спешу затеряться в стайке студенток, проходящих мимо, и гадаю, что с этим миром не так.

Соболева своим рассказом словно запустила парад измен в моей жизни, и теперь они преследуют меня повсюду. Я встречаю предателей в гипермаркете, на заправке, на парковке у дома и даже в библиотеке, куда я направляюсь, чтобы нарыть материал для научной статьи.

Но вишенкой на торте становится Верин звонок спустя пару дней и пропитанное горечью тихое.

– Дин, ты прости меня, пожалуйста...

– За что я должна тебя прощать?

– Я сейчас стою напротив итальянского ресторанчика и смотрю, как твой муж заводит туда другую женщину.

Мой мир надламывается. Идет крупными трещинами. Крошится в серый пепел.

Я выпадаю в вакуум и пытаюсь переварить безжалостные слова.

– Дин, ты тут? – напоминает о себе Вера, и я до боли в костяшках сжимаю корпус телефона.

– Да. Скинь мне геолокацию, пожалуйста.

Спустя пару секунд мне прилетает точка, отмеченная на карте, и я забиваю на все. На встречу со спонсорами, намеченную после обеда. На урок, к которому мне нужно подготовиться. И трясуцимися пальцами вызываю такси.

Выбегаю из центра, забыв сумочку в кабинете. И откидываюсь на заднее сиденье, прикрывая веки.

Везет меня девушка. К счастью, всю дорогу она молчит. Не пытается меня разговорить. Не беседует ни с кем по телефону. И не ругается, когда нас подрезает какой-то хам.

– Спасибо за поездку.

– А можете здесь подождать? Простой я оплачу.

Я перебиваю ее на полуслове. Вываливаюсь из салона, превращаясь в дрожащее желе, и медленно переставляю ноги.

Боюсь столкнуться с неотвратимым.

До ресторана не дохожу. Трушу. Боюсь убедиться в том, что муж мне изменяет.

Но реальность делает все сама.

С расстояния метров в десять я замечаю Диму, сидящего за столиком с женщиной. На вид ей примерно так же, как и мне. У нее густые каштановые волосы. И королевская осанка.

Это все, что мне удастся рассмотреть.

Легкие полыхают огнем. В горле першит. И я, вместо того чтобы ворваться внутрь и учинить громкий скандал с битьем посуды, просто отворачиваюсь.

Делаю шаг, второй. И выуживаю из кармана телефон.

Звоню мужу. И он, к моему удивлению, практически сразу берет трубку.

– Алло.

– Привет. А ты где? На службе? – спрашиваю хрипнувшим вмиг голосом и дышу часто-часто.

Обманет? Сочинит сказку про какой-нибудь арест или план-перехват?

– Нет. Катаю жену начальника. А что такое, Динуль?

– Ничего важного. Думала, может, получится вместе пообедать.

Вру я. Скомкано прощаюсь и практически бегом возвращаюсь к ждущей меня машине.

Дима ничего от меня не утаивает и спокойно рассказывает о своей спутнице. Я же чувствую себя отвратительно. В который раз за несколько дней ставлю под сомнение его верность и веду себя, как героиня третьесортных фильмов.

Слежу за собственным супругом вместо того, чтобы открыто поинтересоваться, где он и с кем.

– Муж изменяет? – сочувственно тянет таксист, когда я ныряю в салон, и припечатывает едким. – Козел.

На что я машу руками и выдавливаю лживое.

– Обозналась.

В центр я возвращаюсь взвинченная, хоть поводов для самобичевания нет. Пытаюсь почитать приготовленный с вечера материал, но строчки расплываются перед глазами. А потом мне становится ни до чего.

Ни до занятия, которое я должна провести. Ни до радостной новости о том, что мы получили грант. Ни до спонсоров, которые придут с минуты на минуту.

Звонят из лица, где учится моя Маруся, и окунают меня в котел плохо контролируемой паники.

– Как потерялась? Конечно, я сейчас буду!

Я пулей выметаюсь в коридор и несусь, едва касаясь пола. Попутно пытаюсь связаться со своей малышкой, но ее мобильник не отвечает.

Бегу к расположенному неподалеку от нашей школы парку, где у Марусино класса проходила экскурсия, и совсем ничего не соображаю.

Длинные гудки на том конце провода царапают звенящие нервы. Тревога за мою крошку взмывает до небес. А дочкин рюкзак, зажатый в руках у виновато опустившей глаза учительницы, только ее усиливает.

– Она же совсем маленькая. Одна. Без средства связи! Как же вы так не досмотрели?

– Извините, я... – нестройно лепечет недавно выпустившаяся из пединститута совсем еще зеленая девчонка, но я грубо ее осекаю, не справляясь с растущим в геометрической прогрессии волнением.

– Вызывайте полицию!

– А вы?

– А я пойду искать дочь.

Забрав Марусин рюкзак, я срываюсь с места и принимаюсь методично курсировать по территории парка.

– Маруся! Маруся! Девочка моя!

Кричу надсадно, распугивая празднично шатающихся прохожих своим видом. Сбиваю ноги в кровь из-за новых туфель. И только сейчас соображаю, что надо скорее позвонить мужу.

Он-то точно поднимет кого надо. Задействует спецов. И в два счета отыщет нашу малышку.

И, стоит мне найти его номер в избранных контактах, как в глубине аллеи я различаю массивный мужской силуэт и замершую на руках у незнакомца девчушку, очень похожую на мою дочь.

Огонек надежды разгорается в груди, и я снова перехожу на бег. Как профессиональный спринтер, преодолеваю немаленькое расстояние и требовательно высекаю.

– Отпустите мою дочь!

В эту секунду в моей голове роятся самые разные мысли. Что, если этот мужчина маньяк, пытающийся похитить мою малышку? Что я буду делать, если он откажется ее отдавать и попробует скрыться?

Как я буду его останавливать? Какое окажу сопротивление?

Гадаю лихорадочно и жалею, что не ношу с собой перцовый баллончик.

Но действительность оказывается куда более благосклонной к моей дочери. И намного более безжалостной ко мне.

Я спотыкаюсь. Роняю телефон на тротуарную плитку. И опускаю подбородок, боясь встретаться с мужчиной взглядом.

Потому что никакой он не незнакомец. А моя первая любовь. Жестокая и болезненная.

– Дина, надо же. Сколько лет, сколько зим.

– Здравствуй, Грозовский.

– Не ожидал тебя здесь встретить.

– Я тебя тоже. Отпусти Марусю, пожалуйста.

– Обязательно отпущу. Вот только съездим в клинику. Сделаем один тест. И отпущу.

Ровно произносит Роман, скользя нечитаемым взглядом по моему подбородку, а у меня желудок ухает в пятки, и руки начинают дико трястись.

Глава 4

Роман

День выдается погожий.

Сентябрьское солнце ласково припекает. На небе ни единого облачка.

Синоптики снова ошиблись. Грозы с градом явно не ожидается.

На сегодня у меня запланирована куча дел.

Встреча с руководителем лица, который планирует спонсировать наша с отцом компания. Вручение очередной бесполезной грамоты в департаменте. И семейный ужин.

А хочется забить на все. Купить мороженое. Скинуть пиджак. Развязать галстук. И усесться в брюках, сшитых специально по моим меркам, прямо на траву.

Подставить лицо теплым лучам. Измазаться в лакомстве. И ни о чем не думать.

– Роман Всеволодович, опаздываем.

За спиной раздается голос Сергея, моего охранника, но я делаю ему знак, чтобы замолчал и немного отстал.

Шагаю неторопливо, наслаждаясь такими редкими минутами покоя, и справедливо решаю, что суета подождет.

Дойдя до конца тихой уединенной аллейки, я замечаю хрупкую детскую фигурку на отдаленной лавочке, и озираюсь по сторонам. Рядом с ребенком нет взрослых, и это настораживает.

Так что я плюю на увеличивающееся опоздание, и шагаю вперед. Присаживаюсь на корточки, чтобы оказаться на уровне глаз девчужки лет семи, и негромко спрашиваю.

– Ты заблудилась, малышка?

– Да-а-а!

Согласно кивает сидящая на скамейке белокурая кроха и ревет так жалобно, что мое черствое сердце обливается кровью и не выдерживает.

Я поднимаюсь и подхватываю девчонку на руки. Глажу ее по хрупкой спинке и всеми силами стараюсь приободрить.

– Отставить панику на корабле. Ничего страшного не случилось. У тебя ведь должен быть телефон? Сейчас позвоним твоим родителям, и они быстренько тебя заберут.

– Рюкза-а-ак потеря-а-ала. А в нем телефо-о-он.

Девчонка испуганно цепляется за лацкан моего пиджака, как будто боится, что я могу бросить ее на произвол судьбы. И я мысленно клянусь устроить ее непутевой мамаше серьезную выволочку. Прочитать кукушке нотацию о том, как нужно обращаться с ребенком. И пригрозить органами опеки, если будет нужно.

Но мой запал стремительно гаснет, стоит стройной блондинке появиться на горизонте.
– Отпустите мою дочь!

Твердо требует девушка из моего прошлого, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание, и только сейчас меня узнает.

Ахает звонко. Выпускает мобильник из трясущихся пальцев. И боязливо отводит глаза, будя во мне нехорошие подозрения.

Я долго рассматриваю Снежную королеву, проткнувшую когда-то мое сердце ножом. Подсчитываю возраст притихшего у меня на руках ребенка. И недобро ухмыляюсь.

– Обязательно. После того как съездим в клинику. И сделаем один тест.

Конечно же, я блефую. Выдаю чушь про больничку наобум. И непроизвольно попадаю в яблочко.

Стоящая рядом Дина нервно вздрагивает. А я все больше убеждаюсь, что она непозволительно много от меня скрыла.

– Мы не успели познакомиться. Как тебя зовут, принцесса?

– Маруся, – робко откликается прижавшаяся к моей щеке малышка, и я осторожно ставлю ее на тротуар, чтобы она могла подбежать к матери и крепко обнять ее за ноги.

Пока Дина притискивает к себе дочку, я испытываю противоречивые чувства. С одной стороны, мне хочется развернуться и свалить до того, как похороненная ненависть восстанет из пепла. С другой стороны, я хочу вытащить из нее все ответы.

Поэтому следую за ней на небольшом отдалении и изучаю изящную фигурку. Плавный изгиб бедер, осиная талия, тоненькие лодыжки, и длинные платиновые волосы.

Такая же обворожительная, как восемь лет назад. Даже красивее.

Когда мы приближаемся ко входу в парк, там деловито снуют полицейские. Опрашивают прохожих. И косятся на нас подозрительно. Тормозят Дину небрежно и явно планируют впать ей штраф за ложный вызов.

– Вы – Арская? А это ваша пропавшая дочь. Я правильно понимаю?

Ледяным тоном уточняет хмурый мент с проседью в волосах и осекается, встречаясь со мной взглядом.

– Роман Всеволодович, здравствуйте.

Мужик быстро напяливает на лицо доброжелательную улыбку и вытягивается по струнке, а я тихо усмехаюсь.

Моя физиономия висит на баннере у него за спиной. Было бы странно, если бы он меня не узнал.

– Вы все верно понимаете. Произошло досадное недоразумение. Которое, к счастью, уже разрешилось. Спасибо за службу.

Я сую законнику пару банкнот и отправляю его восвояси. Беру Дину за локоть и подталкиваю к запаркованной неподалеку машине.

Арская, такую фамилию она теперь носит, цепенеет и пытается вырваться из моих рук. Но я не позволяю.

– Ты ведь директор языковой школы. Так?

– Так.

– А я твой потенциальный спонсор. Так что у нас впереди долгий содержательный разговор.

Под «содержательным» я имею в виду вовсе не финансовую помощь, и Дина это понимает. Скукоживается на заднем сидении джипа, затаскивая дочку к себе на колени, и не произносит ни слова, пока мы добираемся до ее центра.

Передает Марусю какой-то из своих сотрудниц и приглашает меня в кабинет.

– Чай? Кофе? – ее звучный бархатный голос срывается, да и она сама явно нервничает.

Поправляет идеально сидящую блузку. Одергивает черную узкую юбку. Облизывает искусанные губы.

Мне же доставляет удовольствие за ней наблюдать.

– Кофе.

– Черный. Без сливок и молока. С двумя ложками сахара.

Скорее констатирует, нежели спрашивает она и перемещается к кофемашине. Я в это время опускаюсь в добротное кожаное кресло и изучаю окружающую обстановку.

Не слишком дорогая, но качественная мебель. Фигус в большой кадке. Кактусы на подоконнике. И безупречный порядок на столе.

Папочки сложены в аккуратную стопку на краю. Несколько ручек в органайзере. Блокнот с серебристым тиснением.

Уютно.

– Рассказывай, Дина, – я принимаю у нее из рук чашку и прилипаю взглядом к пульсирующей жилке на шее. – Как поживаешь? Не бедствуешь, я смотрю. Свой центр. Грант от государства. Дочь замечательная растет. Не знал, что ты родила.

Улыбаюсь уголками губ, хоть внутри бесятся демоны. Отхлебываю горячий напиток. Сцепляю пальцы в замок. И выбиваю воздух из груди Дины всего парой фраз.

– Маруся не от твоего мужа, верно? Совсем не похожа на него.

– Что за глупости? Брось!

Арская смеется хрипло и пытается держать хорошую мину при плохой игре. Но реакции ее выдают. Кровь отливает от щек, потом снова приливает к коже и превращает ее в пунцовую свеклу. Венка начинает трепыхаться лихорадочней. Ладони трясутся.

Я сканирую ее долго. Пристально. И продолжаю давить, как пружий напролом танк.

– Нет! Конечно же, нет.

Дина бросает слишком поспешно и этим окончательно палится. Я практически не сомневаюсь в том, что принимал непосредственное участие в зачатии белокурого ангелочка.

И все это меня неимоверно злит. Девчонке семь с половиной лет, если я не ошибся в расчетах, и все это время она называла другого мужика папой.

– Ты произносишь это так уверенно. Интересно, тест ДНК скажет то же самое?

Захлебываюсь в гремучей смеси разрушительных эмоций и нерываю зрительного контакта. Мне кажется, еще секунда, и я вытащу Арскую из кресла, припру ее к стене и выбью из нее правду.

Я даже привстаю, угрожающе наклоняясь вперед, но в это мгновение позади распахивается дверь, и в кабинет забегают очаровательное солнышко.

Маруся одним своим появлением разгоняет сгущающийся мрак, освещает все вокруг и не замечает потрескивающих между нами с Диной разрядов.

Девчушка робко улыбается мне, как своему спасителю. Прижимает к груди плюшевого единорога. И скромно шаркает ножкой.

– Инге Сергеевне пора на урок. Можно я с вами побуду?

– Конечно, милая. Тем более, дядя уже уходит.

– Отчего же? Я никуда не тороплюсь. И с удовольствием посмотрю, как у вас здесь все устроено. В конце концов, я должен понимать, куда собираюсь вкладывать деньги. Проведете для меня экскурсию?

Я знаю, что мои доводы звучат разумно и правильно. А еще прекрасно осознаю, что они бьют Арскую так сильно, что она крепко стискивает зубы, сжимает в пальцах карандаш и несколько раз глубоко выдыхает.

Проглатывает готовый сорвать с пухлых губ отказ и примеряет вежливую маску.

– Конечно, Роман Всеволодович. С чего начнем? Может быть, с класса для аудирования?

– Как пожелаете, Дина Алексеевна.

Голос Арской сочится арктическим холодом. Синие омуты походят на покрывшиеся инеем сосульки. Да и сама она превращается в бесстрастную ледышку. И я невольно проваливаюсь в прошлое и вспоминаю, как мы с ней познакомились.

Девять лет назад.

В коридоре шумно. Мы высыпаем из аудитории взбудораженной взъерошенной толпой и притормаживаем у подоконника.

За плечами остается один из самых сложных экзаменов в семестре, и это не может не радовать.

В моей зачетке красуется с горем пополам выторгованная тройка, но отметки давно меня не парят. Я снимаю с другом квартиру, потому что места в общежитии не нашлось. Таскаюсь с одной подработкой на другую. По ночам разгружаю фуры. И практически не уделяю времени учебе.

Как показывает чужой опыт, в этой жизни наверх пробиваются не более эрудированные, а более наглые и изворотливые.

– Позади еще один семестр! Ура!

– Не, ну Романовский зверь! Я думала, он меня завалит. Сорок минут мучил, урод!

– Шестьдесят пересдач на поток! Да он совсем ополоумел!

Переговариваемся с одноклассниками громко, уже не боясь вредного вѣдливого старикана в зеленом твидовом пиджаке, и залиvisto смеемся.

Искрящаяся радость несется по венам.

Мы выдержали. Выдюжили. Справились.

И вполне можем рассчитывать на какой-никакой диплом, а не на вишивую справку.

– Ну что, погнали вечером в «Пьяную вишню»?

– Погнали.

Я соглашаюсь без промедления, планируя как следует оторваться, и то и дело скашиваю взгляд в сторону. Смотрю на одинокую фигурку, застывшую у дальнего подоконника, и не могу разобраться в том, что испытываю к девчонке.

С одной стороны, Северская меня бесит. В застегнутой наглухо блузке и черной юбке до колен, она без конца умничает и знает ответы на все вопросы. Умничает на парах, всегда получает высший балл и ладит с самыми принципиальными преподавателями. Никогда не опаздывает, не пропускает сроки сдачи работ и не допускает даже малейших оплошностей.

С другой стороны, Дина будит во мне нездоровый интерес. До странной чесотки хочется проверить, такая ли она ледяная, какой кажется.

– Полегче, Гроза! Северская явно не птица нашего полета. Забей.

Это Арс, мой друг и по совместительству сосед, дергает меня за рукав и раскатисто ржет. Копирует Динину мимику, жеманно дует губы и картинно хлопает ресницами, вызывая у стоящих девчонок смех.

Я же протягиваю ему ладонь и выразительно выгибаю бровь, намереваясь отправиться на баррикады.

– Спорим, я вытащу ее сегодня в клуб?

– Спорим.

Легко соглашается Арсений и упирается бедрами в подоконник, чтобы было удобнее следить за моим поражением.

Ну а я отклеиваюсь от пола и плавно двигаюсь к листающей конспекты девчонке. Опускаю руку ей на плечо, наклоняюсь и обдаю аккуратное ушко горячим шепотом.

– Поехали с нами в «Пьяную вишню» вечером.

Предлагаю ей раскованно. Дина же вздрагивает.

Сбрасывает мою ладонь. Отшагивает в сторону. И поливает меня пламенным огнем небесно-голубых глаз.

– И что я там забыла? Содом, Гоморру и разврат?

– Фу, как некрасиво, Северская. Считаешь нас недостойными своего общества? Или просто не умеешь веселиться?

– Я?

– Ты.

Киваю коротко и сокращаю разделяющее нас расстояние. Впиваю ладони в Динины хрупкие предплечья и утыкаюсь лбом в ее лоб.

Таскаю воздух ноздрями со свистом и откровенно ее провоцирую.

– Трусишь, Снежная королева? Докажи мне, что я не прав, и ты не такая душная, как все считают.

Время застывает. Кто-то невидимый ставит происходящее на «стоп», и мы с Северной выпадаем в вакуум.

Только сейчас я замечаю, какие гипнотические у нее глаза. Крапинки маленькие на льди-сто-голубой радужке. Ресницы пушистые, обрамляющие это великолепие.

Девчонка трясется, как флаг на ветру. И мне по какой-то необъяснимой причине передается ее тремор.

Дрожим так бесконечно долго. И полируем друг друга непримиримыми выразительными взглядами.

Спровоцированный мною контакт приносит слишком много. Неконтролируемые судороги, скручивающие мышцы. Гребанную тахикардию, от которой я никогда не страдал. И тянущее чувство внизу живота, потому что вся кровь спустилась туда.

Я съезжаю пальцами по Дининым предплечьям вниз и сковываю узкие запястья надежной хваткой. Улавливаю легкий аромат цветочных духов. И непроизвольно облизываю губы.

– А кто ты такой, чтобы я что-то тебе доказывала? – спустя вечность Северская все-таки смахивает с себя наваждение и отстраняется.

Косится на меня исподлобья, как будто я посмел покуситься на святыню. И дышит часто-часто, отчего ее грудь беспокойно вздымается.

Я, как любой нормальный мужик, приклеиваюсь к вырезу ее блузки. Самодовольно ухмыляюсь. И выдаю абсолютно пафосное.

– Тот, кто прогнет этот мир под себя. И тебя тоже.

Моя фраза звучит самонадеянно и глупо.

Дина на это лишь фыркает и сбегает, окутывая меня шлейфом дурманящего парфюма.

Фиалка. Бергамот. Ирис. И пачули.

Я раскладываю запах на составляющие. И пропитываюсь им.

А вечером переминаюсь с ноги на ногу и постоянно смотрю в сторону выхода. В клубе собираются почти все наши. Только вот Северной нет.

Она никогда не посещает подобные мероприятия. Так что было бы верхом идиотизма полагать, что моя речь произвела на нее неизгладимое впечатление.

– Да плевать! Макс, рома мне налей. Тройную порцию.

Поставив на Дине крест, я приземляюсь на высокий стул и с энтузиазмом принимаю у бармена бокал. Делаю глубокий глоток, гоняю во рту пряную жидкость и едва не давлюсь, когда Арс размашисто хлопает меня по спине.

– Воу-воу-воу! Ты посмотри, какие люди! Гроза, ты страшный человек, в натуре. Ты что пообещал этой ботанихе, что она сюда притащилась, и еще и так разodelась?

Шахов подбирается, словно гончий пес, я же поворачиваюсь вальяжно и медлительно. Будто меня не парит вообще ничего, кроме алкоголя в моем роксе.

– Ничего.

– Гонись! Ты сколько бабла отстегнул, чтобы она сюда притащилась, лишь бы выиграть пари?

– Нисколько.

– Да хорош заливать, Грозовский!

Друг шутливо тычет меня в бок, не переставая ржать. Но тут же осекается и отшагивает на безопасное расстояние, выставляя ладони вперед.

Видимо, в моем взгляде мелькает что-то опасное и дикое, раз уж безбашенный Арс включает заднюю и феерично сливается с темой.

Но меня в это мгновение не парит ничего, кроме знакомого силуэта, застывшего в зоне фэйс-контроля. Северская что-то обеспокоенно объясняет двум бугаям, вряд ли способным сложить два и два.

Я же стекаю со стула, впахивая ром в ладонь друга, и клинком разрезаю толпу. В два счета преодолеваю метров пятьдесят и дергаю Дину на себя.

– Она со мной, парни.

– Ты бы сразу предупредил, мы бы ее не мурыжили на входе.

– Извини, брат.

Ребята, с которыми мы разгружаем вагоны по субботам и раскладываем товары на маркет-плейсах по воскресеньям, с треском вылетевшие с первого курса, вешают Северской салатный кислотный браслет на запястье и расплываются в широкой улыбке.

Я же бросаю им беззлобное «спасибо, пацаны» и увлекаю Дину за собой на танцпол.

Признаться честно, она меня удивила.

Пай-девочка, обычно закованная в броню деловых костюмов и строгих классических платьев, сегодня решила порвать все мыслимые и немыслимые шаблоны.

На ней короткий белый топ, едва прикрывающий аппетитную грудь. Тонкий кружевной лиф, прекрасно различимый под тонкой полупрозрачной тканью. Растегнутый графитовый бомбер с абстрактными красными линиями. Черные джинсы, облепляющие бедра, словно вторая кожа. Высокие грубые ботинки на шнуровке. И кулон на серебряной цепочке, сползающий в декольте.

Губы тронуты алым блеском. Скулы выделены чем-то мерцающим. Веки подведены чернильно-черной подводкой.

В общем, образ Северской настолько соблазнителен, что у меня все системы горят красным «alert» и начинает дымиться в штанах.

– Судя по твоей реакции, я уже доказала, что не душила, не ботаниха и не синий чулок?

Дина примеряет на себя образ роковой соблазнительницы, хоть в этом нет никакой необходимости, и я уже нехило поплыл. Царапает острыми ноготками мои бицепсы. И крутится вокруг оси, позволяя рассмотреть все ее изгибы, впадинки, трещинки.

Она дезориентирует меня настолько, что плавятся предохранители. Мозги превращаются в наполовину растаявшее желе. А язык набухает и прирастает намертво к нёбу.

Так что мне приходится судорожно сглатывать, долго откашливаться и восстанавливать рваное дыхание прежде, чем вернуть дар речи.

– Ты не синий чулок, детка. Ты – огонь!

Я шутливо вскидываю руки ладонями вперед, признавая свое поражение. А в следующую секунду жадно впиваюсь в манящие губы и издаю хриплый рык.

То ли меня так восторивает Динина недоступность и ее внезапное потепление. То ли так сказывается ее охренительная чувственность и податливость. То ли играет роль последний отъезд на игры и вынужденное трехнедельное воздержание.

Но все мои реакции адски обострены. Эмоции доведены до пика. А наркотическая эйфория выпрыснулась в кровь и спалила к хренам клеммы.

Радует только одно. Северскую наша близость ошеломляет не меньше. Дина цепляется мне в плечи. Скользит подушечками пальцев по шее. И придвигается ко мне так, будто стремится стать со мной одним целым.

Глава 5

Дина

Маруськина пропажа и внезапное появление Грозовского так сильно выбили меня из колеи, что я упустила подходящий момент, чтобы ответить Роману отказом и вытолкать его взащей.

И теперь я вынуждена вести его по коридору нашего центра и натянуто улыбаться так, что начинают болеть уголки губ.

– Кабинет оснащен новейшим оборудованием. В рамках обучения клиентам доступны индивидуальные онлайн-уроки, которые на восемьдесят процентов состоят из практики. Также в курс входят интерактивные задания и участие в разговорном клубе с приглашенными спикерами. Это помогает сломать языковой барьер. Программ много. Они рассчитаны на разные возрасты.

Пропустив Романа с дочкой вперед, я принимаюсь нахваливать свою школу. Волнуюсь почему-то до чертиков. Мне страшно, что Грозовский надменно вскинет бровь и скажет, что-нибудь про дилетантский подход, не стоящий финансирования.

Но он выслушивает мою речь даже с повышенным вниманием. Не пропускает не единого слова. Кивает. И внезапно подхватывает Марусю.

Станный жест, но неприятия у моей дочери он не вызывает. Лишенная частого общения с отцом из-за его работы она устраивается на руках у Романа с комфортом и улыбается.

Я же не смею просить его ее отпустить.

Мне кажется, мое положение и так слишком шаткое, чтобы я выдвигала ему какие-то ультиматумы.

– Ты умница, Дина. Мне нравится это место. Я предполагаю, у всех преподавателей есть международные сертификаты?

– Верно.

Похвала Грозовского бальзамом проливается на мои дребезжащие нервы, и я шумно выпускаю воздух из легких.

Оказывается, все это время, пока я тараторила и ждала его вердикта, я не дышала. И сейчас усиленно восполняю нехватку кислорода в крови.

Краснею, когда он проталкивается мимо и ненароком меня задевает. И злюсь на себя.

У меня складывается впечатление, что с того момента, когда Рома нашел в парке мою дочь, моя жизнь больше мне не принадлежит. Над головой словно занесли острый меч, и он вот-вот опустится на мою шею.

– Послезавтра я привезу в центр журналистов. Подготовься, пожалуйста, к интервью, Дина. Снимем коротенький репортаж. Запустим рекламу. Будем готовиться к открытию филиала.

В отличие от меня, Грозовский не испытывает ни капли неловкости. Он вальяжно прохаживается по моему кабинету, изучает многочисленные дипломы, висящие на стене, и усаживает Марусю в кресло, шутливо щелкая ее по носу.

– Си ю лэйте, Мэри.

– Бай.

Махнув нам на прощание, Роман выскальзывает наружу – туда, где его ждет хмурый молчаливый охранник. А я отстраненно опускаюсь на диван и вытягиваю гудящие ноги.

Они дрожат. Да и я вся дрожу.

При мысли о том, что нам с Грозовским теперь придется встречаться на регулярной основе, холодеют руки и липкий пот струится вдоль позвоночника. Начиная с сегодняшнего дня, я буду вынуждена балансировать на тонкой грани.

– Mamочka, a дядя еще к нам придет, да? По-моему, он хороший.

Бойко щебечет Маруся, подцепляя статуэтку рыбы на гребне волны двумя пальчиками. Внутри меня же лопается невидимая струна, и я болезненно прикусываю нижнюю губу, чтобы не разрыдаться.

Домой возвращаюсь в каком-то раздрае.

Димы еще нет. И я принимаюсь готовить ужин, пока дочка играет в куклы.

Мариную мясо и отправляю его в духовку вместе с картофелем. Нарезаю овощи. Заправляю салат. И дергаюсь, когда до слуха доносится щелчок открываемого замка.

Хоть я и не сделала ничего постыдного, паника окутывает тело и замедляет движения. На автомате я вытираю руки, вешаю полотенце на крючок и угождаю в объятья мужа.

– Привет, детка.

– Привет.

– Как прошел день?

Невинный вопрос прилетает в цель и в одно мгновение раскачивает лодку моего спокойствия. Я избегаю встречаться глазами с собственным мужем, дышу через раз и выдаю нейтрально.

– Хорошо. Спонсоры приехали. Остались довольны. Будем готовиться к открытию филиала.

– Здорово!

Я опускаю новости об исчезновении дочери и ее чудесной находке. Намеренно не говорю о встрече с Грозовским. И, отступив на шаг, приклеиваюсь взглядом к воротнику Диминой рубашки.

Там красуется малиновое пятно, подозрительно напоминающее след от губной помады. И у меня сейчас нет ни ресурса, ни морального права обвинять в чем-то супруга, но я все равно спрашиваю.

– Это что у тебя такое?

– Испачкался где-то. Не знаю.

– Снимай, брошу в стирку.

Дима избавляется от рубашки, демонстрируя идеальный торс с рельефными кубиками пресса. И я стараюсь не думать ни о чем.

Скрываюсь ненадолго в ванной. Засыпаю в машинку порошок. И долго умываюсь, прибегая к дыхательной гимнастике.

Хоть я старательно притворяюсь, что все в моих буднях идет четко по плану и ничего страшного не происходит, опутавшая меня еще утром тревога не испаряется.

Я сижу на иголках, пока мы ужинаем. Комкаю край футболки. И проливаю чай на бело-снежную скатерть.

Подхватываюсь, чтобы ликвидировать расплзающееся по ткани пятно. Со звоном роняю чашку в раковину. И ловлю на себе настороженный Димин взгляд.

– Дин, все в порядке? Точно?

– Да. Просто устала. Переживала из-за спонсоров.

Как там советуют? Если хочешь обмануть человека, говори ему полуправду.

Вот и я утаиваю способные рассекретить меня детали. И долго ворочаюсь в постели с боку на бок.

Дима засыпает практически сразу. А вот мой сон смывает приходящее на телефон сообщение, которое я прочитываю и тут же стираю.

«А твой муж знает, что Маруся не его дочь?».

Я долго смотрю в одну точку перед собой. Мобильник лежит под подушкой. А я боюсь даже пошевелиться.

Страх разоблачения настолько велик, что отключаюсь я ближе к утру, когда за окном уже рассветает. И дремлю едва ли больше двух с половиной часов.

Конечно, после пробуждения бодрости во мне ни на грамм. На лодыжки будто повесили пудовые гири. Веки засыпали песком. На плечи положили гранитные глыбы.

Сейчас больше всего на свете мне хочется спрятаться под одеялом, никак не контактировать с внешним миром и не отвечать на звонке.

Но я пересиливаю себя и рисую на лице беззаботную улыбку.

– Доброе утро, родной.

Я мягко целую его в висок, пока он распахивает заспанные глаза и сладко зевает, и убегаю в ванную. Телефон забираю с собой на случай, если Грозовскому вздумается позвонить спозаранку или отправить очередную провокационную эсэмэс.

Теперь я веду себя, как изменница из тех статей, которые в избытке читала совсем недавно. Не оставляю без присмотра гаджет. Для подстраховки меняю пароль. И торгуюсь с собственной совестью.

Убеждаю ее в том, что ничего плохого не совершаю. Просто не хочу расстраивать мужа. Это ведь не преступление, верно?

– Тебе кашу или оладушки?

– Давай все.

Я заискивающе спрашиваю у Димы, когда он заходит в кухню после душа жизнерадостный, энергичный и гладко выбритый. И гадаю, не перебарщиваю ли с заботой.

Но судя по тому, что муж затаскивает меня на колени, проводит ладонью вдоль позвоночника и невесомо касается талии, все в порядке.

– А кашу ты пересолила. Влюбилась?

– Правда?

Перехватив у Димы ложку, я пробую овсянку, но она идеальна на вкус. Всего достаточно. Сахара, соли, масла.

– Арский!

– Да шучу я, шучу. Ты чего так побледнела. Все отлично.

Заливисто смеется муж, а я тайком перевожу дыхание. Совсем дерганая с Грозовским стала.

– Отвезешь Маришку в школу, Динусь? Я уже не успеваю.

– Да, конечно.

Сгрузив посуду в раковину, я провожаю Диму до дверей, помогаю дочке собраться и закидываю ее на учебу. Сама же отправляюсь в центр.

Дел там сегодня невпроворот. Нужно провести собеседование с претенденткой на должность преподавателя испанского языка. Оформить заявку на канцелярию. И подготовиться к завтрашнему интервью, которое тяготит меня больше всего.

Я плохо контактирую с прессой. Могу растеряться в присутствии большого количества людей. И опозориться.

А подводить Романа, несмотря на мои прошлые обиды, не хочется.

Представив, как буду краснеть, бледнеть и заикаться перед телекамерой, я старательно штудирую выжимки из учебника по ораторскому мастерству. Увлечшись, забываю пообедать и сломя голову несусь на занятие к группе одиннадцатилеток.

И только я успеваю войти во вкус и поймать ритм, как в приоткрытую дверь заглядывает Вера и заговорщически манит меня пальцем.

– Там к тебе какой-то мужик! Солидны-ы-ый, – шепчет подруга бойко и выдергивает меня в коридор. – Беги. Я подменю.

В кабинет я заскакиваю с замирающим сердцем. Ожидаю увидеть кого угодно от инспектора пожарной службы до специалиста санэпидстанции и уже готовлюсь показывать многочисленные документы, которые у нас оформлены по букве закона.

Но снова натykaюсь на Грозовского.

Спотыкаюсь о порог, проклиная свои чертовы каблуки, и пролетаю несколько метров прежде, чем уткнуться Роману носом в грудь.

Пахнет от него потрясающе. Мускатным шалфеем. Кедром. И листьями горького апельсина.

Я глубоко вдыхаю этот густой пьянящий аромат и злюсь на собственное тело, предательски реагирующее на случайную близость.

Колени подкашиваются. От кончиков пальцев ног до самой макушки мчится мелкая горячая дрожь.

– Привет.

– Здравствуй.

Я отступаю от Грозовского слишком поспешно. Зачем-то одергиваю блузку. И сцепляю руки в замок в попытке отгородиться.

Роман же на это лишь ухмыляется.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Какой?

– Твой муж в курсе, что Маруся не его дочь?

Безобидные, в общем-то, слова с легкостью прорезают мою хлипкую броню и заставляют дернуться, как от пощечины. Я чувствую себя загнанным в ловушку зверьком. Роман же сканирует меня рентгеновским взглядом, от которого пульс лихорадочно скалится.

– Дима обо всем знает. У меня нет тайн от супруга.

– Значит, у вас крепкая семья, построенная на доверии и взаимном уважении? Похвально.

Абсолютно серьезно произносит Грозовский. Только я никак не могу отделаться от ощущения, что он вкладывает в эти фразы известный ему одному смысл и просто надо мной издевается.

– Если ты пришел побеседовать о моем браке...

– И пообедать. Пойдем что-нибудь перекусим. С самого утра ничего не ел.

Беспечно сообщает Роман, а я смотрю на него как на умалишенного.

Он по-прежнему ничего от меня не требует и не настаивает на экстренном проведении теста ДНК, и этостораживает. Зная Грозовского, он без особых усилий может испортить мне жизнь, оставить после себя руины и исчезнуть так же молниеносно, как появился.

– Ты же не будешь морить меня голодом, Ледышка? Заодно репортаж обсудим.

Резонно предлагает Рома, и я послушно иду за ним, как на привязи.

В ресторанчике в квартале от школы подают вкусную пиццу четырех видов, неплохую пасту и сочные отбивные. Здесь мы и устраиваемся. Пьем горячий терпкий кофе, заказываем пирожные на десерт и болтаем так, словно не было между нами океана из непонимания и предательства.

А, когда Грозовский достает бумажник, чтобы расплатиться, в помещение заходит Дима, и меня окатывает кипятком от волнения.

Глава 6

Дина

Я неуклюже вскакиваю и задеваю бедром столешницу. Остатки кофе расплескиваются по скатерти. Чашка летит на пол и разбивается вдребезги – на десяток больших и маленьких осколков.

Вместе с ней трескается и мое самообладание.

Я искоса смотрю на мужа и начинаю сгорать от стыда.

В руках у Димы пышный букет лилий. И, хоть я больше люблю ромашки или пионы, сердце начинает истошно трепыхаться в груди.

Супруг в несколько размашистых шагов приближается к нам. А я предпочитаю мимикрировать под окружающую обстановку, слиться по цвету со стеной или вовсе провалиться под землю.

Грозовский же хладнокровно опускает в банку для чайных несколько банкнот и поднимается на ноги. У него с невозмутимостью полный порядок.

Складывается впечатление, что если бы рядом упал фугасный снаряд или разорвалась водородная бомба, он бы стряхнул пылинки со своего иссиня-черного пиджака и даже не повел бровью.

– Гроза? Какими судьбами?

– И тебе не хворать, фараон. У нас с твоей женой ОБЩИЙ проект. Разве она не сказала?

Лениво растягивая слова, Роман сдает меня с потрохами, и я виновато опускаю голову и кланю Грозовского последними ругательствами. Делаю это про себя, конечно же.

На пару мгновений между нами виснет тяжелая гнетущая тишина, а в следующую секунду мир взрывается звуками.

Моего грохочущего сердца. Сиплых выдохов. И Диминого укоризненного.

– Это правда, Дин?

– Да. Компания Романа спонсирует открытие нашего филиала. Я не успела вчера с тобой поделиться. Прости.

Я вытаскиваю из себя не выдерживающее никакой критики извинение и мстительно вдавливаю острый каблук в туфлю Грозовского. Только вот он даже не морщится. Приподнимает меня над землей, словно пушинку, и легко переставляет в сторону.

– Был рад встрече. Надолго не прощаюсь.

Махнув нам рукой, Роман устремляется вдоль прохода. А я не поднимаю глаз до тех пор, пока Дима не подцепляет пальцами мой подбородок и не вынуждает на него посмотреть.

В его темно-карих глазах сквозит решительное осуждение и укоризна. И это медленно меня убивает.

– Почему вчера промолчала, Дин? Ведь не сегодня Грозовский нарисовался.

– Не хотела тебя тревожить. Я ведь знаю, как ты на него реагируешь.

Шепчу я не смело и захожу на двадцатый круг самобичевания.

Это Дима утешал меня, когда я рассталась с Романом. Вытирал лившиеся нескончаемым потоком слезы с моих щек. Кутал мои наглухо промерзшие ступни в шерстяные носки, которые вязала его бабушка. Варил для меня сладкий горячий какао. И позвал замуж несмотря на то, что я носила чужого ребенка.

Конечно, с тех пор он люто ненавидит Грозовского и любое упоминание о нем.

– Тревожить ты не хотела! А идиотом выставить хотела?

– Прости.

Я извиняюсь по десятому кругу. Облизываю пересохшие губы. И напарываюсь на досадливое.

– Ты забыла?

– М?

– У родителей сегодня серебряная свадьба. Они ждут нас на ужин.

В этот момент я чувствую себя последней сволочью. С расшатанным моим Вселенную к чертям я напрочь забыла обо всем на свете. И о поделке, которую обещала смастерить с Марусей. И о наборе юного художника, который нужно было забрать из пункта доставки еще вчера. И о годовщине, важной для моего мужа.

Мысленно я себя распиная. Водружаю терновый венок на макушку. Вколачиваю гвозди в запястья. И прохожусь фантомной плетью вдоль позвоночника.

Только внешне я стараюсь оставаться спокойной. Улыбаюсь заискивающе. Хвалю подарок, который Дима заранее приобрел для родителей. Серебряную турку ручной работы для отца. И кольцо с голубым сердцем из серебра для мамы. И прижимаю к груди лилии.

По пути на торжество мы забираем Марусю из школы. Заезжаем за роскошным букетом из двадцати пяти чайных роз в цветочную лавку. И не произносим ни единого слова до конечной точки нашего маршрута – японского ресторанчика, где для нас забронирован столик.

Дима, по обыкновению, распаивает для меня дверь авто и привычно придерживает за локоть. Но все его движения резкие и порывистые. От него веет недовольством и переполняющим его гневом.

Правда, при виде матери он меняется по щелчку. Расплывается в широкой улыбке. Вручает ей розы. Обнимает ее и недолго кружит.

– С праздником, ма! Живите вместе еще пять раз по столько же и берегите друг друга!

– С серебряной свадьбой, Анна Аркадьевна. Пусть ваша любовь с годами только крепнет.

Я робко присоединяюсь к поздравлениям, пока Маруська убегает внутрь зала к деду. Дима устремляется следом за ней. Свекровь же внимательно меня изучает и выносит неутешительный вердикт.

– Что-то ты какая-то бледная, Диночка. Может, надо показаться врачу?

– Да нет, все в порядке. Спасибо, Анна Аркадьевна. Чувствую себя хорошо.

– Работаешь много?

– Не без того. Расширяемся. Забот много. Нанять квалифицированный персонал для нового места. Запустить рекламу. Убедиться, чтобы оборудование привезли в срок.

Разговоры о любимом деле заставляют меня расцветить и взбодриться. Я с энтузиазмом рассказываю о том, что уже сделано. Расписываю перспективы. На что свекровь цокает языком и вперивает пронзительный взгляд мне в переносицу.

– Разве ты нуждаешься в деньгах, Дин? Какая необходимость прозябать с утра до вечера в офисе. Найми управляющего. А сама отправляйся за вторым ребеночком, – я открываю рот, чтобы ей возразить, но Анна Аркадьевна останавливает меня жестом, припечатывая. – Мужа надо привязывать детьми, милая. Пока за тебя это не сделал кто-то другой. Дима сколько уже тебя просит о сыне?

– А вы это с позиции собственного опыта говорите, дорогая свекровь? – я с некоторым вызовом вздергиваю подбородок и небрежно веду плечом. – Это ведь вы, если мне не изменяет память, расписались с дядей Сашей, когда Диме исполнилось шесть лет и вы были на пятом месяце беременности.

На самом деле, я не планировала говорить гадости и портить кому-то вечер, но язык опережает мысли, и я пулеметной очередью выпаливаю все, что думаю и даже больше.

Почему-то именно сегодня с меня слетает маска покладистой правильной девочки, и наружу прорывается самая настоящая стерва.

Может быть, потому что на меня постоянно кто-то давит? Мама то и дело учит, как жить. Папа периодически уговаривает оставить школу и влиться к нему в бизнес, ведь там прибыльнее. Свекры неустанно лезут в нашу с Димой постель и настаивают на том, что давно пора заводить ребенка.

А я болезненно реагирую на эту тему. И с трудом переношу нарушение наших личных границ.

– Извините, Анна Аркадьевна. Я не хотела.

Переступив через себя, я все-таки комкано извиняюсь и боком протискиваюсь в зал. Надеюсь успеть до того момента, когда свекровь отомрет и примется просвещать меня на тему, как должно происходить идеальное зачатие, под каким углом закидывать ноги на стену и что лучше употреблять в пищу.

– Дин, ты с утра сама не своя. Это из-за Грозовского? Он что-то обещал тебе? Приставал? Предлагал нечто интимное?

Дима улучает мгновение, когда я опускаюсь на стул рядом с ним и расслабленно выдыхаю, и засыпает ворохом неприятных вопросов. Стреляет в меня многозначительным взглядом. И сильнее обычного сжимает мои пальцы под столом, как будто опасается, что я могу вдруг исчезнуть.

Некстати вспоминается запечатлевшаяся на подкорке каленым железом статья в женском электронном журнале.

«Если ваш супруг начал остро реагировать на всякие мелочи. Стал ревновать вас к каждому встречному парню. Если он начал искать в вас изъяны. И старается уличить вас в каком-то неблагоприятном поступке. Поздравляем! Очень вероятно, что он вам изменяет».

Мотнув головой, я отгоняю непрощенные мысли и стараюсь разубедить Диму.

– Нет. Конечно, нет. Его фонд спонсирует еще несколько школ и лицеев и даже приют для бездомных животных. Это нужно ему для предвыборной кампании.

– Значит, Гроза решил баллотироваться на выборах? Интересно.

Дима впивается в подброшенную мной новость, как клещ, и принимается серфить в интернете всю информацию, какую только можно найти о Романе. Я же скучаяще смотрю по сторонам, ковыряюсь в остывающей лапше и мечтаю как можно скорее ретироваться из рестораника.

Потому что Анна Аркадьевна явно на меня обижается, косится неодобрительно и дует губы. А дядя Саша не рассчитывает свою меру, перебирает с алкоголем и задвигает длиннющий тост о внуках, которых мы должны непременно сделать.

В общем, спустя час я начинаю откровенно звереть. Психую от сыплющихся на меня лавиной советов. Сославшись на разыгравшуюся мигрень, уговариваю Диму уехать. И не ожидаю, что по дороге домой он заведет набившую оскомину шарманку.

– Малыш, а как ты смотришь на то, чтобы уйти в декрет? Перестанем предохраняться. Забеременеем. Найдем управляющего. И ты сможешь оставить чужих детей, чтобы заняться своими.

Лучась энтузиазмом, вещает супруг, повторяя слово в слово посыл свекрови. Я же ненадолго прикрываю веки, прислоняюсь лбом к запотевающему стеклу и рисую в воображении не слишком-то радостную картину.

Я откажусь от того, что с огромной любовью выстраивала не день, не неделю и даже не месяц. Позволю постороннему человеку руководить расширением вместо меня, перерезать красную ленточку, улыбаться журналистам и пить шампанское с радостным персоналом.

Я больше не буду спешить в центр по утрам. Перестану готовиться к занятиям. Впихну группу своих озорников, к которым безумно прикипела, Вере или Тане. Начну высыпаться.

А Дима...?

– А ты, Дим? Что будешь делать ты? Будешь мотаться по вызовам? Пропадать на дежурствах по ночам? Будешь выскакивать из постели и мчаться неизвестно куда по первому звонку? Зачем тебе этот ребенок, если ты все его детство пропустишь?

Распахнув ресницы, я часто моргаю и лихорадочно тарабаню, вонзая ногти в ладони. Привожу те аргументы, которые я приводила сотню раз, и злюсь.

Почему я должна ломать себя, жертвовать своими интересами и превращаться в домохозяйку тогда, как Дима продолжит жить жизнь, которую ему хочется.

Яркую. Насыщенную. Опасную. Полную перестрелок, очных ставок и перекрестных допросов. Ту, где едва ли хватает места для нас с Марусей.

– Порой мне кажется, что ты меня не любишь, Дина. И никогда не любила.

Все это я, видимо, произношу вслух, забывшись.

Потому что муж резко тормозит в пяти метрах от нужного подъезда, высаживает нас с дочкой и, нахмурив брови, топит педаль газа в пол. Шины оставляют на асфальте черные следы, дым от паленой резины витает в воздухе.

У Димы заболел коллега, и ему приходится его подменять сверх графика. Ну а мне не остается ничего другого кроме, как коротать очередной вечер в одиночестве.

– Сладких снов, моя любимая девочка.

Уложив Марусю, я нежно целую ее в лоб, подтыкаю края сползшего одеяла и на цыпочках выскальзываю в коридор. Никуда не спеша, я долго нежусь в горячей ванной с ароматной пеной, кутаюсь в халат и сооружаю на голове тюрбан из полотенца.

Я никого не жду. Но в прихожей раздается трель дверного звонка. Глупое сердце ударяется о ребра, и ровно восемнадцать секунд я питаю надежду, что это вернулся Дима.

Но моим иллюзиям суждено рассыпаться в пыль. На пороге стоит курьер в ярко-салатовой униформе с громадным букетом из желтых тюльпанов и фиолетовых ирисов.

– Арская Дина Алексеевна? Вам доставочка. Распишитесь, пожалуйста, здесь.

Черкнув подпись рядом с галочкой, я запираю замки. Прижимаю цветы к груди и тяну ноздрями умопомрачительный запах. Прямоугольную карточку с пометкой «Доброжелатель» и пухлый конверт замечаю не сразу.

Но как только начинаю его распечатывать, не могу отделаться от предчувствия, что его содержимое перевернет все вверх дном.

Именно так и происходит. Красочные фотографии вылетают из моих ослабевших пальцев и приземляются на пол.

А на них мой муж. Другая женщина. И ребенок.

Очаровательный мальчуган с до боли знакомыми карими глазами и волосами цвета спелой пшеницы.

Глава 7

Роман

После встречи с Арским я еду домой.

Окидываю взглядом еще не обжитую квартиру. Встаю под струи горячей воды. Выдавливаю на ладонь мятный гель для душа. А перед глазами Дина стоит.

Улыбается, как только она умеет. Накручивает платиновую прядь волос на палец. И поправляет оголившую плечо блузку.

Красивая, зараза. С вылепленными талантливым скульптором скулами. С хрупкими ключицами. Горделивой осанкой. Аристократка.

Несмотря на то, что с нашего расставания прошла прорва лет, я слишком хорошо все помню. Изящные изгибы, которые хочется очертить. Манящие впадинки. И пухлые губы, умеющие дарить неземное блаженство.

Наспех обтершись полотенцем, переодеваюсь. Меняю костюм на более привычное худи и потертые джинсы. Галстук забрасываю куда подальше, чтобы не душил.

Цвет настроения – черный.

Машину оставляю на подземной парковке. Вызываю такси, потому что хочу расслабиться. И еду в клуб, где меня уже ждет Арс. Друг сидит за дальним столиком в углу, а меня накрывает ностальгией.

Здесь мы кадрили девчонок. Играли в пьяные шашки. И устраивали такие вечеринки, после которых универ гудел целую неделю.

– Здорово, братка.

– Здоров!

Я крепко жму руку другу и падаю рядом. Заказываю двойную порцию виски, картошку и бургер и расслаблено откидываюсь на спинку дивана.

Публика вокруг снует разношерстная. Студенты, забежавшие сюда после пар. Офисные работники, уставшие после трудовых будней. Кокетки, строящие мужикам глазки в надежде заполучить халявную выпивку.

Атмосфера стоит праздничная. И у меня внутри разливается веселье. А еще предвкушение, смешанное с льющейся долей злорадства.

– Ну что, достал?

– Обижаешь, Гроза. Сделали все в лучшем виде.

Хлопнув меня по плечу, скалится Шахов и раскладывает на столе ворох фотографий.

Снимки и, правда, превосходного качества. На них видно, как муж Дины нежно придерживает привлекательную загорелую женщину в бордовом платье за поясицу. Как жадно ее целует. Как давит ей на затылок и буквально впаивает в себя. Как трогательно кружит над землей малолетнего пацана.

Идеальная картинка, если не знать, что чувак женат на другой.

– Точно его сын?

– Сто процентов. Он даже записан в свидетельстве о рождении отцом. Да ты на парнишку посмотри. Копия Арский.

Подтверждает то, что я вижу и сам, Арс и подзывает официантку, чтобы лукаво ей подмигнуть и попросить бокал неразбавленного виски.

Недолго мы едим в тишине, а потом приятель внимательно на меня косится и изрекает задумчивое.

– Ты уверен, что ты этого хочешь?

– Уверен.

– Оставил бы девчонку в покое. Столько воды утекло. Ну не вышло у вас с ней. Зачем ворошить прошлое?

Не могу понять, почему, но слова Шаха заставляют меня ощетиниться.

Я и сам не знаю, чего хочу больше. Утереть нос Арскому. Отомстить Дине за то, что все это время скрывала от меня дочь. Или открыть ей глаза на то, что муж ей изменяет.

– Может, я ей одолжение делаю. Спасая. Много лет жить рядом с изменником и ни о чем не догадываться.

Произношу небрежно, хоть внутри грозит извергнуться настоящий вулкан, и вызываю курьера. Спустя полчаса вручаю парню в оранжевой кепке букет и конверт с фотографиями и начинаю отсчитывать минуты.

Получаю уведомление, что посылка доставлена. Выжидаю, пока Дина насладится моим «подарком». И звоню ей.

– Алло. Рома?

Ее голос ломается и дребезжит. В нем отчетливо слышатся грустные нотки. И я вдруг осознаю, что не получаю никакого удовлетворения от своего поступка. Напротив, жалею всхлипы-

вающую на том конце провода девушку и сильнее стискиваю бокал с плещущейся на доньшке янтарной жидкостью.

Делаю глубокий глоток и резко тяну ноздрями воздух. Пойло обжигает пищевод и горячим комом падает в желудок.

– Привет, Дин. С голосом что-то. Ты плачешь?

– Да нет. Все в порядке.

– Врешь.

Припечатываю резко и злюсь на самого себя. Желание мести тлеет потухшими угольками, как будто кто-то залил их ледяной водой. И говорю совсем не то, что собирался.

– Мне приехать?

– Не нужно. У тебя, наверное, планы на вечер.

– Ничего важного.

– Тогда приезжай.

Немного помешкавшись, соглашается Дина, а Арс полирует меня красноречивым выразительным взглядом и негромко ржет.

– Сам рушишь ее жизнь. Сам утешаешь. Какой ты...

– Мудак. Знаю.

Киваю, не находя резона спорить, и оставляю Шахова развлекаться без меня. Не сомневаюсь, что грудастая официанточка с васильковыми глазами испуганной лани не даст ему заскучать.

К дому Дины я приезжаю примерно через час. Пишу ей, чтобы спускалась, и прячу ладони в карманы.

Она выходит из подъезда минут через пять, нерешительно переставляет ноги и кутается в руки, как будто ей очень холодно.

Не удивляется, откуда я узнал ее адрес. Так погружена в растаскивающие душу на части переживания.

– Маруся?

– Уложила ее недавно. Вряд ли проснется до самого утра. У нее хороший крепкий сон.

– А ты?

– А я не могу.

Охрипше шепчет Дина, словно надорвала связки и не может говорить громче, и шаг за шагом сокращает разделяющее нас расстояние.

Комкает длинными тонкими пальцами злосчастный конверт. Замирает, не дойдя до меня каких-то двадцать сантиметров. И охает, когда я дергаю ее на себя.

Позволяет себя обнять. Замирает. И впивается зубами в нижнюю губу, когда я выворачиваю ей нутро вопросом.

– Что-то случилось?

– Да. Я узнала, что Дима мне изменяет.

Хоть для меня это и не новость, со словами я не нахожусь. Фразы встают поперек горла. И единственное, что я могу сделать, это сильнее стиснуть Дину и ободряюще похлопать ее по спине.

– Пойдем. Посидим где-нибудь. На улице дубак. Промерзнешь вся.

Хоть всего десять минут назад было тепло, внезапно задул порывистый ветер, от которого колючие мурашки расползаются по телу. Я веду Дину к кафе, расположенном на первом этаже высотки, а она и не думает сопротивляться. Так ошеломлена.

Мне даже кажется, что, если бы я запихнул ее в тачку и повез бы на край света, она бы просто покорно юркнула на пассажирское сидение и свернулась бы в дрожащий клубок.

– Нам, пожалуйста, чай с мятой и пару эклеров.

Я озвучиваю заказ подошедшей официантке, потому что Арская в этот момент не способна ничего выбрать, и опускаюсь на кожаный диванчик.

Я исподволь изучаю сидящую напротив девчонку и сглатываю разбухающий шипастый ком, царапающий пищевод.

Дина в это мгновение настолько уязвима, что я чувствую себя последним мудаком. С собранными на затылке в хвост волосами, без грамма макияжа, с опухшими глазами, она совсем не похожа ни на заботливую мать, требовавшую отпустить ее ребенка, ни на уверенную в себе бизнес-леди, устраивавшую мне экскурсию по языковому центру.

Облизнув искусанные губы, она ныряет в карман толстовки и достает фотографии, которые я совсем недавно держал в руках. Но я делаю вид, что внимательно их рассматриваю.

– Похоже на фотошоп? Может быть, монтаж? – спрашивает она с такой тоской в голосе и с робкой надеждой, что меня пробирает до самого нутра.

– Вряд ли.

Я отвечаю твердо, даже немного жестковато. Не собираюсь подслащивать горькую пилюлю, ведь рано или поздно Дине все равно придется столкнуться с суровой реальностью. Как бы она ни старалась от нее сбежать.

Какое-то время мы сидим молча. Арская обнимает обеими ладонками кружку и пьет чай маленькими глотками. Трет розовеющими пальчиками мочку уха. И прижигает меня обвиняющим взглядом, как будто что-то знает.

– Почему? – высекает она тоскливо, а я замечаю, как огонь в ее голубых омутах потухает, и вместо него там поселяется промораживающая насквозь пустота.

Не знаю, что ей ответить. Сказать, что мужчины по природе своей полигамны и в какой-то момент начинают изменять своим избранницам? Так это бред. Сослаться на заевший супруга быт и исчезнувшую перчинку в отношениях? Еще большая чушь.

– Так бывает.

Это максимум, который я способен выдать. И он, конечно же, не устраивает Дину. Она резко отворачивается к окну и принимается вытирать тыльной стороной ладони катящиеся по щекам слезы.

Я же не справляюсь с ее эмоциями, которые расшатывают и меня. Встаю, чтобы пересесть к ней на диван, и подгребаю ее к себе.

Мои действия не объяснить логикой. Просто внутри зреет потребность утешить расстроенную женщину, и я иду на поводу у инстинктов.

Глажу ее лопатки, предплечья, запястья. Прижимаюсь ртом к виску. И вместе с Диной переживаю истерику.

Шаршит нас обоих нещадно. Сердечная мышца работает на износ. Губительный огонь воспламеняет каждую клетку. Электрические импульсы доставляют боль.

– Спасибо, что приехал. Мне нужно было хоть с кем-то поделиться.

Позже, когда мы стоим около ее подъезда, негромко благодарит меня Дина и исчезает за железной дверью. Я же еще долго растираю полыхающую грудь.

А на следующее утро мы встречаемся в центре, и ничего не напоминает о вчерашнем.

Арская собрана и серьезна. На ее губах мерцает перламутровый блеск. На веки нанесены дымчатые тени. Пушистые ресницы подкрашены тушью. Она одета в платье футляр цвета морской волны. На шее – лаконичная подвеска с лазуритом.

И, если бы я лично не утешал ее накануне, я бы ни за что не поверил, что эта ухоженная ослепительная женщина проплакала весь вечер, а может, и всю ночь.

Выпив по чашечке кофе у Дины в кабинете, мы не говорим о пресловутых фотографиях. Перемещаемся в небольшой зал, заполненный людьми. И занимаем приготовленные для нас места.

После короткой беседы с моим пиар-менеджером, пресса настроена дружелюбно. Никто не собирается топить Арскую, выискивать недочеты в хозяйственной деятельности. Напротив, журналисты хотят сострять добротную статью, за которую они получают неплохое вознаграждение.

Первой встает совсем еще зеленая девчонка с короткими темно-каштановыми волосами и обращается к Дине.

– Здравствуйте. Лика Литова. Издательство «Просвещение». У вас в школе очень уютно. Небольшие светлые классы, оборудованные по последнему слову. Талантливые педагоги. Положительные отзывы. Подскажите, пожалуйста, что вдохновило вас на создание центра?

– Здравствуйте, Лика. Знаете, у меня растет любознательная семилетняя дочь. И мне, в первую очередь, хотелось, чтобы она ходила сюда с удовольствием. Чувствовала себя как дома. Была окружена приятными мелочами. Чтобы могла разместиться в удобном кресле-мешке, пока будет смотреть что-то на проекторе. Порисовать на перемене. Или решить какую-нибудь головоломку на магнитной доске. Комфорт самых маленьких наших учеников – наша основная задача.

Ответив на первый вопрос, Дина заметно расслабляется. Ее речь течет плавно и размеренно. Можно увидеть невооруженным глазом, что она гордится своим детищем.

Интервью проходит без сучка и задоринки. Попрощавшись с прессой, мы возвращаемся к Арской в кабинет и еще долго обсуждаем перспективы и ближайшие планы.

А через день, я узнаю, что Дина улетела в горы вместе с мужем. И это ввергает меня в ступор.

Глава 8

Дина

Сидеть рядом с Грозовским после того, что у нас когда-то было, странно. Натирать до скрипа блестящий и без того заварник. Разливать по чашкам черный чай с мелиссой, который любил Роман. И греть пальцы о стенки кружки.

Вчера Грозовский терпеливо выслушивал мою истерику и, словно маленькой девочке, вытирал слезы. Сегодня предупредительно придерживал передо мной дверь, отодвигал для меня стул и невзначай задевал запястье, когда меня уносило не в ту сторону в интервью.

И я, как не стараюсь, не могу понять причин его поведения.

Воспылал былыми чувствами, как увидел спустя столько лет? Нет, конечно.

Я отпиваю большой глоток дымящейся жидкости и вновь изучаю Романа.

Все-таки он изменился. Раздался в плечах. Приобрел хищный прищур. Заматерел.

Он и раньше был безбашенным и дерзким. А теперь возвел эти качества в квадрат.

В каждом его жесте сквозит спокойная властность. В каждом движении – непреклонная уверенность.

Так что я невольно теряюсь в его присутствии. Забываю, как дышать. Кусаю истерзанные губы. И постоянно тереблю подол платья.

Глупая. У меня жизнь рушится, а я залипаю на крылья носа, скулы и упрямый подбородок Грозовского.

– Ты хорошо справилась с интервью, Дина. Молодец.

Сдержанно хвалит меня Роман, вытаскивая из омота опасных мыслей, и залпом осушает содержимое чашки. Поправляет воротник идеально отутюженной белоснежной рубашки и коротко кивает.

– Спасибо. Я, на самом деле, очень люблю этот центр. Всю душу в него вложила. И мне радостно, что он развивается.

– Это заметно.

Соглашается Грозовский и предлагает меня подвезти.

Не отказываюсь. Потому что за окном клубятся низкие свинцовые тучи, собирается пролиться обильный ливень, и цены на такси уже наверняка поднялись до небес.

А я оставила машину на парковке. После пережитого потрясения и бессонной ночи руки тряслись так, что сесть за руль было бы несусветной глупостью.

– Прошу.

Безупречный, Роман помогает мне разместиться на пассажирском сидении, а я все время жду от него подвоха. Готовлюсь, что он напомнит о предательстве Димы и будет ковыряться в моей израненной душе. Или вернется к необходимости сделать тест на отцовство и заявит права на Марусю.

Но Грозовский лишь включает обогрев и плавно выруливает с территории школы.

– Тебе куда? К подружке? К родителям? В кафе?

– Домой.

Отвечаю рассеянно и боковым зрением фиксирую, как брови Романа съезжаются к его переносице. Злитесь, что я не собрала чемодан и не ушла от мужа сразу же, как только увидела фотографии? Бред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.